

Чэнь Чжэнго с мягким хлопком вытащил пробку и поднес горлышко к носу. Лишь тогда наружу пробился тонкий, едва уловимый аромат целебных трав. Он удивленно приподнял брови: обычно пластыри и мази разили так, что въедливый дух потом не выветривался днями, а здесь запах оказался удивительно деликатным.

«А снадобье-то, похоже, и впрямь стоящее».

Отыскав бамбуковую щепку, он аккуратно подцепил самую малость снадобья. На кончике остался крошечный комочек нежно-зеленой пасты. Большинство известных ему мазей — для каких бы нужд они ни предназначались — обычно отливали грязно-бурым цветом и удушливо несли переваренными кореньями. Но чтобы лекарство было бледно-зеленым? Такого Чэнь Чжэнго еще не видывал.

Не скажи ему заранее, что это целебная мазь, он принял бы ее за что угодно другое. Чэнь Чжэнго осторожно понюхал пасту, а затем мазнул ею предплечье. Стоило втереть ее легким движением, как зеленый след бесследно исчез — кожа впитала снадобье мгновенно и без остатка.

— Сяо Чжан! — позвал командир.

— Товарищ командир полка, рядовой Чжан по вашему приказанию прибыл! — На пороге мгновенно вырос расторопный паренек лет девятнадцати, лихо козырнув.

— Есть для тебя дело. Нужно кое-куда сбегать.

Чэнь Чжэнго ненадолго задумался, а затем быстро переписал от руки листок с инструкцией, оставленный Ван Сюанем. Закупорив склянку прежней пробкой, он протянул ее посыльному вместе со свежей запиской.

— Отнеси это доктору Чэню. Пусть прочтает записку, там все сказано. Одна нога здесь, другая там. Выполняй.

— Есть! — отчеканил боец и пулей вылетел за дверь.

Гоудань сунул в пылающий зев печи старый обломок серпа без рукояти. Когда металл раскалился докрасна, он аккуратно вытащил его щипцами. У его пластиковых сандалий лопнул ремешок, и теперь требовалось запаять разрыв. Прижав горячее железо к срезам пластика, Гоудань подождал, пока тот задымится и поплывет, а затем ловко прижал края пальцами. Расплавленная масса мгновенно схватилась.

Обувка прослужит еще какое-то время, пусть и выглядела теперь неказисто: грубый черный наплав на месте спайки топорщился, точно уродливый шрам. Новую обувь берегли, латаную занашивали до тех пор, пока она буквально не рассыпалась на ходу. В детстве они все лето напролет бегали босиком, но теперь, когда предстояло ехать в уездный город, заявляться туда без обуви было никак нельзя.

— Ну и горит же на тебе обувь, — хмыкнул Ван Сюань, наблюдая за его работой. — Тебе бы железные лапти сковать, может, хоть их на подольше хватило бы.

— А ты разве не слыхал? — рассмеялся Гоудань, примеряя починенную сандалию. — Стоит задаться целью — и железные сапоги до дыр сносишь.

— Ладно, шутник. Перцу побольше класть? — Ван Сюань решил не спорить и перевел разговор на другое.

— Конечно! Клади от души, — отозвался Гоудань.

Он притопнул ногой, проверяя надежность шва, и небрежно швырнул остывающий обломок серпа в ведро с водой. Железо отозвалось яростным шипением, и над водой поднялось облачко сизого пара.

Шагнув к столу, Гоудань заглянул в кадки.

— Ого, сколько ты уже заготовил!

— Надо побольше сделать, — ответил Ван Сюань, аккуратно укладывая зелень. — Скоро уедем учиться, времени совсем не останется. Твоему отцу каждый день на поле спину гнуть, а так придет уставший — достанет из погреба готовые соленья, и возиться у плиты не надо.

Ван Сюань засолил все, что удалось собрать: и нежную редисочную ботву, и сочные побеги бамбука, и дикие травы из лесу.

— Только вот крупной соли маловато осталось. Придется еще докупить.

— Это я мигом, — вызвался Гоудань. — Сбегаю до лавки и обратно, одна нога здесь, другая там.

Большие глиняные корчаги предназначались для домашних запасов. В них из года в год квасили овощи: едва пустела одна кадка, в нее тут же закладывали новую порцию. За долгие годы глина настолько пропиталась ядреным кисло-соленым духом, что его теперь не вытравил бы никакой кипяток.

— А вот эти баночки поменьше мы возьмем с собой на учебу, — Ван Сюань указал на

выстроенный ряд стеклянной тары. — Тут и моченый перец, и пряные корни.

Стеклянные банки в те времена считались роскошью. Бог весть, какой богачей выбросил их за ненужность, но Ван Сюань приметил добро, подобрал, тщательно вымыл и приспособил под домашние разносолы, утратив начинку до самого горлышка.

— Раз уж мы так основательно взялись за сборы, давай завтра сходим в лес, наберем еще чего-нибудь, — предложил Гоудань.

Оба они смутно представляли, что ждет их в уездном городе. И пускай Гоудань обычно держался уверенно и даже дерзко, перед лицом неизвестности он испытывал тот же робкий трепет, что и любой деревенский мальчишка. К тому же прежние воспоминания об уезде у них были далеко не самыми радужными.

— Эх, кабы у нас в коммуне снова открыли среднюю школу, и ехать никуда не пришлось бы, — со вздохом протянул Ван Сюань.

В лес они в ближайшие дни так и не выбрались: прибежали деревенские ребята и позвали их в школу — пришло время забирать свидетельства об окончании начальных классов. В те годы даже такой скромный документ считался серьезной бумагой. Многие деревенские старосты и счетоводы едва имели за плечами начальную школу, но уже числились среди односельчан грамотеями.

Разумеется, те времена нельзя было мерить мерками будущего, но для поколения Гоуданя доучиться до выпуска и получить заветную корочку было делом почетным. Вся их шумная ватага с шутками и хохотом двинулась к школе. Кое-кто из младших увязался просто так, за компанию, ради праздного любопытства, а иные из сверстников давно забросили учебу, но по старой памяти все равно крутились рядом со своим заводилой Гоуданем.

— Совсем из головы вылетело! — спохватился Гоудань. — Обожди секунду, надо хоть в божеский вид себя привести.

Он шмыгнул в дом, незаметно спрятал рабочие инструменты в своё Сокровище и негромко сказал Ван Сюаню:

— Все мысли только об отъезде в город, чуть про свидетельства не забыл. Интересно, а извещения о зачислении уже пришли?

И в самом деле — официальных писем из Уездной средней школы они еще не получали, однако Гоудань ни капли не сомневался, что их обоих приняли. Уверенности ему было не занимать.

В начальной школе было всего два выпускных класса — учеников набралось немного. Из-за летних каникул во дворе стояла непривычная тишина, и лишь появление ватаги ребят разом

оживило пустующие коридоры.

Их молодой классный руководитель уже ждал у доски. Было заметно, что он волнуется, а в глазах его сквозит легкая грусть.

— Ребята, я пришел в нашу школу два года назад, — заговорил учитель, и голос его слегка дрогнул. — На второй год мне доверили ваше классное руководство. Признаюсь честно: поначалу мне было очень нелегко. Ответственность давила, ведь вы у меня первый выпускной класс. Я жутко переживал, как бы чего не стряслось. Вы ведь у меня вон какие орлы вымахали! — Он улыбнулся, обведя взглядом парней. — Кое-кто из вас уже выше и шире меня в плечах. Я все думал: не дай бог, характер у кого крутой окажется, полезете драться с учителем — моё-то тщедушное тело такого натиска не выдержит!

Класс дружно грохнул. Ребята покатывались со смеху, находя шутку наставника на редкость удачной.

Учитель приехал к ним из соседней волости. То ли оттого, что с детства корпел над книгами, то ли по природе своей, он отличался хрупким сложением и ростом не вышел. Тем не менее он успел окончить настоящую среднюю школу первой ступени. Благодаря семейным связям его пристроили преподавать у малышей. Панибратства он не допускал, но и напускной строгостью не грешил — сказывался покладистый нрав и молодость. С Гоуданем и его товарищами он всегда ладил.

— Да ладно вам смеяться-то, — мягко погрозил пальцем учитель. — Я ведь чистую правду говорю. Сегодня я в последний раз стою перед вами у этой доски. Пути ваши разойдутся: кто-то из вас продолжит учебу, но большинству предстоит остаться в деревне и трудиться на земле. Но как бы ни сложилась ваша жизнь дальше, помните одно: всегда оставайтесь честными людьми. Не преступайте закон. Где бы вы ни оказались, живите так, чтобы вам не было стыдно перед родиной, перед народом и перед собственными матерями и отцами. Вот и все, что я хочу вам сказать.

Слова учителя, простые и идущие от самого сердца, заставили притихнуть даже самых заядлых балагуров. Обычно деревенские мальчишки терпеть не могли нравоучений и пропускали длинные речи мимо ушей, но на этом, последнем уроке все ловили каждое слово классного руководителя. Никто не шептался, не смотрел в окно и не клевал носом.

К концу речи в притихшем классе повеяло щемящей грустью. Кое-кто из девочек на задних партах принялся тихонько утирать слезы. Для них этот день подводил черту под беззаботным детством. Если они не продолжат учебу, то уже завтра превратятся в полноценных работниц в поле, взвалив на плечи непосильное бремя крестьянского труда, а там не успеешь оглянуться — выйдешь замуж, станешь матерью и увязнешь в домашних хлопотах.

В комнате воцарилась глубокая тишина.

— Опыта у меня пока маловато, — негромко добавил учитель, нарушив молчание. — Но я тоже

буду расти и учиться дальше вместе с новыми учениками. Ну что ж, закончим на этом.

Он ободряюще улыбнулся и постучал ладонью по стопке документов.

— А теперь перейдем к приятному. Я буду называть имена, а вы подходите за свидетельствами. Чжу Лили! Лю Цзягэнь!.. Ван Сюань! Ли Даню!..

Ребята по очереди подходили к учительскому столу. Каждый бережно принимал заветную красную книжицу. Свидетельства были простенькими, заполненными от руки убористым, аккуратным почерком классного руководителя, но выпускники разглядывали их так, словно держали в руках драгоценные свитки. Они то и дело переговаривались, заглядывали друг другу через плечо и с гордостью демонстрировали свои имена на плотных страницах.

Для потомков свидетельство об окончании начальной школы покажется пустяком, не заслуживающим внимания. Но для этих деревенских детей оно становилось бесценной реликвией на всю оставшуюся жизнь — осязаемым доказательством того, что они учились грамоте, памятью об их коротком детстве и поре взросления. Отныне в любой казенной анкете в графе «образование» они могли с гордостью написать «начальное», навсегда избавившись от клейма неграмотности.

Учитель с теплой улыбкой наблюдал за суматохой, а затем извлек из ящика стола большой конверт из плотной желтоватой бумаги.

— А теперь, — повысил он голос, — самое интересное. Раздаю общие фотографии!

Класс восторженно загудел.

Большинство местных ребят за всю жизнь ни разу не стояли перед объективом фотоаппарата. Когда по весне объявили, что из уезда приедет мастер и сделает общий снимок выпускников со всеми преподавателями и директором, каждый должен был сдать по тридцать фэней. Для многих семей эти тридцать фэней оказались неподъемной суммой.

В те голодные годы, когда пропитание давалось с превеликим трудом, а в крестьянских карманах не звенело ни единой монетки, выкроить даже несколько мао на баловство было немыслимо. Кое-кто из учеников неделями выпрашивал у родителей заветные монеты, канючил и плакал, пока те наконец не сдавались. Большинство ребят деньги все же принесли, но несколько человек так и остались ни с чем — их семьи едва сводили концы с концами, и оставалось лишь гадать, какими трудами они вообще оплачивали школьные взносы все эти годы.

Те, у кого денег не нашлось, общую фотографию, конечно, не получили. Они сидели за партами, низко опустив головы и со слезами на глазах сжимая в руках свои свидетельства.

Зато Гоудань с Ван Сюанем времени даром не теряли и наделали кучу снимков. Помимо обязательной групповой карточки, они сфотографировались вдвоем, заказали по портрету, снялись на память с любимым классным руководителем и даже запечатлели себя в окружении лучших друзей.

Учитель тогда чуть ума не лишился от такой расточительности. Он тайком отвел ребят в сторонку и принялся шепотом убеждать их, что за каждый щелчок затвора придется платить звонкой монетой, и если у них не окажется нужной суммы, быть беде.

Гоуданю пришлось достать из кармана свернутые купюры, чтобы доказать свою платежеспособность. Заметив, что учитель все еще хмурится, он на ходу сочинил, будто эти деньги им прислал их давний благодетель из города. Лишь после этого наставник сменил гнев на милость, но все равно по-отечески пожурил парней, посоветовав беречь средства и не тратить их попусту — мол, успеют еще нафотографироваться, когда переберутся в уезд.

На самом деле деньги были их собственными, честно заработанными и припрятанными в Сокровище. Чэнь Чжэнго не раз пытался присылать им переводы, но мальчишки наотрез отказывались от денежной помощи, так что командиру полка только и оставалось, что изредка отправлять им посылки со своей старой одеждой да нехитрыми сладостями.

Плата за съемку рассчитывалась по количеству готовых отпечатков. Деревенские ребяташки, у которых не было ни единого фэня, гурьбой валили в кадр к Гоуданю и Ван Сюаню — карточки им были не нужны, им просто хотелось постоять перед заморской треногой ради чистого любопытства. Фотограф, конечно, ворчал и сердился на такую суматоху, но дело было сделано: затвор щелкал без умолку, и кадров набралось порядочно.

В итоге Гоудань и Ван Сюань обзавелись целой стопкой снимков, став бесспорными рекордсменами выпуска.

— Сперва разберемся с общими снимками, — провозгласил учитель и принялся сверяться со списком сдавших деньги.

Ребята один за другим потянулись к кафедре.

Атмосфера в классе мгновенно накалилась до предела. Фотография! Настоящая, глянцевая! Кое-кто из ребят видел такое чудо впервые в жизни. Стоило первому счастливчику забрать свой снимок, как вокруг него тут же образовалась плотная толпа. Все пихались локтями, вытягивали шеи и шумно обсуждали каждую деталь.

На карточке лица у всех были натянутыми, испуганными, а позы — неестественно задеревеневшими. Кое-кто умудрился зажмуриться в самый неподходящий момент, а у кого-то рот приоткрылся так нелепо, что парень стал похож на деревенского дурачка. Но эти изъяны никого не смущали: ребята с восторгом разглядывали собственные физиономии.

Учитель постучал указкой по столу, призывая к порядку:

— Теперь перейдем к личным карточкам.

Приезжий фотограф отдал всю работу напрямую классному руководителю, чтобы тот сам разобрался, кто есть кто на снимках. Мастер свое вознаграждение получил сполна еще весной, так что возвращаться в глухую деревню ему было незачем.

Для школы это был первый подобный опыт, но руководство надеялось сделать традицию ежегодной — ведь каждую весну из стен заведения выпускалось новое поколение ребят, а значит, уездное ателье могло рассчитывать на постоянный заработок.

Счастливики, у которых на руках оказались личные портреты или совместные карточки с закадычными друзьями, сияли до ушей. Они берегли хрупкую бумагу как зеницу ока. Стоило кому-то потянуться посмотреть, как хозяин снимка тут же испуганно отдергивал руку и горячо протестовал:

— Эй-эй, руками не лапай! Пальцы грязные, в поту все, мигом глянец сотрешь! Издали смотри!

Когда очередь дошла до Гоуданя, учитель протянул ему пухлый бумажный пакет. Снимков там оказалось столько, что они попросту не поместились бы в обычный конверт. На самом дне лежали свернутые рулончики негативов — теперь в любой момент можно было наведаться в городское ателье и напечатать сколько угодно новых карточек.

Ребята, которые снимались вместе с Гоуданем, дружной толпой облепили его парту. Те, кто не смог оплатить собственные копии, теперь наперебой выхватывали снимки, отыскивая себя среди чужих плеч и лиц.

— Ха-ха-ха! Гляди, Шитоу глаза вытаращил, точно сыч!

— Ой, а ты когда успел мне руку на плечо положить? Я и не заметил!

— Да ты сам тогда повернулся!

— Ух ты... А Ван Сюань на карточке прямо как городской барин вышел, до чего ладный!

— Ну-ка дай глянуть! — Тут же зашушукались протиснувшиеся сквозь толпу девчонки, вытягивая шеи.

— А вам-то что за дело? Ну-ка брысь отсюда, не мешайте! — напустил на себя строгости Гоудань, прикрывая ладонью драгоценные кадры.

Ван Сюань не мог оторвать взгляда от их совместных карточек. О таком чуде он прежде и мечтать не смел. Боясь, что назойливые одноклассники помнут или испачкают памятные снимки, он нервничал пуще прежнего. Недолго думая, Ван Сюань аккуратно забрал их портреты, общие кадры вдвоем и снимок с классным руководителем, спрятав все это богатство в глубокий карман куртки.

Для всеобщего обозрения он оставил лишь групповые карточки с друзьями.

— Чур, руками не трогать! — строго предупредил он зашумевшую ораву. — Я разложу их на парте, смотрите сколько влезет, но пальцами не лапать!

Когда суматоха улеглась и притихшие выпускники разбрелись по домам, учитель негромко позвал Гоуданя и Ван Сюаня к своему столу.

— Результаты экзаменов пришли, — заговорил он, когда в классе остались только они втроем. — Вы оба набрали отличные баллы, так что в Уездную среднюю школу пройдете без труда. Но скажите честно: вы точно готовы к переезду? Всё уладили?

Учитель немного помолчал, а затем добавил:

— Тот ваш городской покровитель, о котором вы говорили... Писал вам в последнее время?

Гоудань в свое время ловко сочинил историю о щедром благодетеле, чтобы не объяснять происхождение денег, и учитель, разумеется, свято верил в эту легенду.

— Писал, конечно! — закивал Гоудань. — Мы с ним постоянно переписываемся, он нас очень ждет.

Классный руководитель облегченно кивнул:

— Вот и славно. Тогда я спокоен.

Этих двоих он искренне любил. Быть может, в силу собственной молодости он не видел в проделках Гоуданя ничего предосудительного — в конце концов, мальчишка всегда учился на отлично, да и Ван Сюань от него не отставал. А какому учителю не понравятся прилежные и смысленные воспитанники? За годы учебы между ними сложились теплые, почти дружеские отношения. Для Гоуданя этот молодой наставник стал лучшим из всех, кто вел у них уроки: он никогда не повышал голос без дела и не наказывал ради острастки. Всё познается в сравнении, и мальчишки это прекрасно понимали.

Дома Ван Сюань позабыл обо всех хлопотах. Он разложил драгоценные карточки на длинной деревянной скамье и принялся по новой разглядывать каждую.

— До чего же красиво получилось, — шептал он, бережно поглаживая края бумаги. — Жаль только, на этом снимке кто-то успел оставить грязный след. Бумага ведь нежная, так и испортить недолго. Я слышал, в городе фотографии ламинируют — покрывают тонкой прозрачной пленкой, чтобы они не сырели и не затирались.

— А ты спрячь их в наше Сокровище, — присоветовал Гоудань. — У тебя там сундуков полно, ни влага не доберется, ни мыши с тараканами не погрызут.

— И то правда, — согласился Ван Сюань, но убирать снимки не спешил. — Глянь-ка сюда! На этой карточке у тебя воротник подвернулся прямо под шею, криво вышло.

— Ой, и правда, — рассмеялся Гоудань.

В день съемки каждый старался нарядиться во все лучшее, что только водилось в сундуках, ведь карточка делалась на долгую память и хотелось выглядеть как можно краше.

Вечером вернулся Ли Сы. Увидев свидетельство сына об окончании школы и глянцевые карточки, он расплылся в такой широкой улыбке, что глаза превратились в узкие щелочки.

— Ну надо же... — благоговейно протянул отец, бережно держа красную книжицу огрубевшими от тяжелой работы пальцами. — Вот ты и стал у нас первым грамотеем в роду Ли, сынок. Ни дед твой, ни прадед букв не знали — все детство на помещиков горбатились да коров пасли. Да и мы со старшими братьями школы не видали.

Сыновья старшего дяди, Цзиньбао и Иньбао, хоть и были на год старше Гоуданя, умом не блистали и до сих пор безнадежно прозябали в четвертом классе. На экзаменах они то и дело хватали двойки. В те строгие времена учителя спуска не давали: провалил годовую проверку — изволь остаться на второй год, и никакие слезы разгневанных родителей делу помочь не могли.

Не будь братья уже такими здоровыми лбами, их, пожалуй, и вовсе оставили бы в третьем классе. Завершить даже начальное обучение для них оказалось задачей непосильной.

Ли Сы впервые за долгие годы почувствовал, что может ходить с гордо поднятой головой. Полжизни ему приходилось терпеть косые взгляды и сносить обиды от родни и соседей, но теперь его сын утер всем нос. Мало того что окончил школу раньше положенного, так еще и все годы учебы держался в первых рядах, принося отцу небывалую гордость.

В душе простого крестьянина затеплилась робкая надежда. Пускай бог не дал ему кучи сыновей, зато единственный наследник оказался на редкость толковым. С этой заветной корочкой Гоудань уже не пропадет — теперь он грамотный человек, перед которым открыты все дороги.